

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

КОРОЛЬ
Александр Викторович

Белорусский государственный университет (филологический факультет) — 1991; Минская Духовная Семинария, бакалавр богословия — 1995; Минская Духовная Академия, кандидат богословия — 1999; Доцент — 2004.

Каждый язык, существующий на Земле, — это бесценный дар Божий, данный, чтобы славить Творца вселенной.

Псалмопевец Давид восклицает: «Всякое дыхание да хвалит Господа», — призывает все природные явления и все народы молитвенно предстоять пред Господом.

Языки даны человечеству для святой цели. Особое значение имеют те из них, с помощью которых были просвещены светом Христовой истины многочисленные народы. К числу таких судьбоносных языков принадлежит Церковнославянский язык (ЦСЯ), объединяющий молитвенно православные народы России и Сербии, Украины и Болгарии, Беларуси и Македонии.

ЦСЯ создавался святыми равноапостольными Мефодием и Кириллом, учителями славянскими, прежде всего как язык общения с Богом, как язык величественного богослужения и богословской литературы. В этом своем качестве он пережил 1000-летнюю историю и сохраняется по сей день. Кроме этого ЦСЯ вплоть до XVIII века оставался языком науки, светской литературы, а зачастую и юридической письменности. Пришедший на Русь с христианизацией, богослужебный язык стал языком высокой книжности, приобрел авторитет и престиж, включив в сферу своего влияния нарождавшуюся древнерусскую и балканские национальные культуры.

На протяжении многих веков любой грамотный человек в России или в Балканских странах свободно владел ЦСЯ, как отмечал это автор русской грамматики, изданной в 1696 г. в Оксфорде, Г. Лудольф: «Русские говорят по-русски, а пишут по-славянски. Для русского же знание славянского языка необходимо потому, что не только Св. Библия и остальные книги существуют только на славянском языке,

но невозможно ни писать, ни рассуждать по каким-нибудь вопросам науки или образования, не пользуясь славянским языком»¹.

Особенностью ЦСЯ в России и на Балканах, по сравнению с латынью в Западной Европе, было то, что для славян он был близкородственным, обладал способностью приспособляться к местным условиям и воспринимался народом как унормированный, требующий соблюдения определенных правил и предписаний литературный вариант родного языка.

Размышляя о судьбах первого литературного языка на Руси, А. С. Пушкин подчеркивал его преемственность по отношению к греческому — языку богатейшей богословской и философской традиции: «Язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство пред всеми европейскими: судьба его была чрезвычайно счастлива. В XI веке древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал ему законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом, усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени. Сам по себе уже звучный и выразительный, отседе заимлет он гибкость и правильность»².

Эту же особенность ЦСЯ отмечал в своих лингвистических трудах и М. В. Ломоносов: «Сие богатство больше всего приобретено купно с Греческим христианским законом, когда церковные книги переведены были с Греческого языка на Славенский для славословия Божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила Еллинского слова как высоко почитается... Ясно сие видеть можно вникнувшим в книги церковные на Славенском языке»³.

Древний церковнославянский язык не был результатом какого-либо естественного развития одного из живых славянских языков той эпохи, но стал, по Промыслу Божию, итогом творческих бого-

словско-филологических усилий святых Солунских братьев и их учеников, в результате чего легший в основу древнеболгарский диалект был наполнен богословскими смыслами, отразил достижения книжного греческого языка в области лексики, синтаксического строя, утонченной стилистики.

Тексты древнейших славянских памятников отличает тщательная обработка, тонкое филологическое чутье переводчиков, глубокое знание ими богословской и литургической терминологии, ясность в выражении мысли, дословная верность греческим оригиналам. Поистине, первыми славянскими переводчиками был сделан огромный труд, давший толчок и положивший начало чудесному распространению общего богослужебного и литературного языка православных славянских народов. IX век — Великоморавия; X век — Болгарское царство; XI век — Киевская Русь — таковы этапы становления славянской переводческой традиции.

Со временем в этих странах наблюдается взаимовлияние богослужебного и местных разговорных языков, в результате чего древний церковнославянский язык приобретает свои региональные особенности, в первую очередь в области фонетики и лексики. Они отражаются уже в памятниках XI века, например, в широкоизвестном Остромировом Евангелии. С этого времени можно говорить о возникновении болгарской, македонской, сербской, древнерусской редакций или изводов единого ЦСЯ.

Кроме богослужебной литературы большой популярностью на Руси у образованных слоев общества пользовалась богословская литература: переводы греческих отцов Церкви (особенно святителя Иоанна Златоуста), сборники житий святых, притч, переводные исторические хроники. Они послужили образцами жанров для древнерусских литературных памятников. С XI века ЦСЯ становится также языком переводной канонической, деловой и юридической письменности:

«Закона судного людем», «Мерила праведного», Устава Студийского, договоров русских князей с греками, отраженных в летописных сводах. Появлялась на ЦСЯ и литература светского содержания.

Таким образом, древний ЦСЯ обладал важным свойством литературного языка—как многофункциональностью, так как обслуживал разнообразные потребности духовной и светской культурной жизни славянских народов.

В зависимости от жанра памятников, от церковного или светского их характера ЦСЯ выступал в двух своих нормативных вариантах: более строгой или сниженной нормы. Причем в оригинальных древнерусских произведениях элементы местного восточнославянского языка отражаются в большей степени, а в списках переводных памятников переписчики весьма старательно придерживались норм книжного ЦСЯ.

До появления первых грамматик ЦСЯ единственным средством нормативного употребления слов и грамматических форм были образцовые тексты, пользовавшиеся общественным признанием и освященные традицией многовекового использования.

Причем каждый из жанров имел свой набор норм и признаков, так что в целом ЦСЯ сферой своего применения был противопоставлен неунормированному, склонному постоянно изменяться языку общения и бытовой переписки.

Теоретический интерес к ЦСЯ в Московской Руси развился в связи с работой по исправлению и унификации церковных книг, развернувшейся в начале XVI века и возглавленной святым преподобным Максимом Греком, и в последствии признававшимся авторитетом в грамматических вопросах.

Но первые печатные учебные пособия по ЦСЯ с изложением систематизированных материалов по грамматике появились в

конце XVI—начале XVII столетий за пределами Московской Руси—в Западно-русских землях, где острее назрела потребность в сочинениях подобного содержания. Объясняется это острой религиозно-политической ситуацией в связи с насильственной попыткой заключения унии с Римом в православных землях Великого княжества Литовского и угрозой потери народом национального самосознания, воспитанного религией предков. В эти десятилетия в Беларуси и на Украине ЦСЯ служил знаменем борьбы за восточнославянскую духовную культуру. Необходимость защиты ее вызвала к деятельности многочисленные городские православные братства, занятые среди прочего распространением церковного образования и подготовкой наставников славяно-греческих братских училищ.

С 90-ых годов XVI века их типографии в Львове, Вильно, Киеве, Остроге, Луцке, Могилеве активно издают антиуниатскую полемическую литературу на староукраинском и старобелорусском языках и учебно-образовательную литературу на церковнославянском языке, в первую очередь грамматики и словари богослужебного славянского языка.

В Западно-русских землях одно за другим выходят печатные издания грамматического характера, начатые Львовским «Букварем» Ивана Федорова 1584 года. Это греко-славянская грамматика «Адельфотис», изданная Львовским братством в 1591 г., «Грамматика» Лаврентия Зизания 1596 г., знаменитая грамматика Мелетия Смотрицкого 1619 г. (неоднократно переиздававшаяся в России), позже—Кременецкая 1634 и Почаевская 1773 г. грамматики.

Еще одной заботой братств было распространение переводных словарей с кратким толкованием малопонятных слов. Известны славяно-русские печатные словари Л. Зизания 1596 г. и Памвы Беринды (Киев, 1627 г., переиздание—Кутеинский монастырь, 1653 г.). О значении подобных изданий свидетельствует тот факт, что в ста-

ринных книжных описях словари и грамматики помещались сразу за церковно-богослужебными книгами.

Все восточнославянские печатные грамматики излагают материал по схемам западноевропейской лингвистической науки, построенной по античным образцам. Но заслуга наших соотечественников А. Зизания и М. Смотрицкого состоит не только в том, что они первыми на Руси использовали греческую грамматическую теорию, но и в том, что они описали и осмыслили специфически славянские языковые явления, унифицировали написание, устранив накопившуюся за века поливариантность грамматических форм. Таким образом, они расчистили путь к назревшей книжной справе в России в XVII веке.

Граматики, издававшиеся православными братствами, базировались на славянском языке Священного Писания и учили всесторонне понимать церковный язык.

Отношение к ЦСЯ у старобелорусских печатников напрямую зависело от их профессиональной принадлежности.

Известно, что обучавшийся в Западной Европе Ф. Скорина, при всем стремлении облегчить читателю восприятие Библейского текста, не дерзнул в своих изданиях отказаться от ЦСЯ, ограничившись переводом некоторых слов. Особенная верность языку православного богослужения проявляется в его Виленских изданиях «Апостола» и «Малой подорожной книжицы» с канонами и акафистами.

В предисловии к книге «Псалтирь» Скорина свидетельствует: «Поведел есми Псалтырю тиснути рускими словами (т.е. буквами), а словенским языком»⁴.

Деятели протестантизма в Беларуси, печатники С. Будный и В. Тяпинский, демонстративно разрывают в своих изданиях с традицией использования ЦСЯ, целью их было — дать единоверцам Св. Писание на разговорном языке.

Но все православные авторы конца XVI — начала XVII веков проявили благовоительное отношение к ЦСЯ как народному наследию и знамени защиты Православия. Хотя в братских изданиях тексты проповедей представлены в основном на «простой мове» (например, проповеди св. Афанасия Филипповича, Леонтия Карповича, Мелетия Смотрицкого), но Св. Писание ими обильно цитируется только по-славянски.

Следует подчеркнуть, что даже шрифт изданий Ивана Федорова максимально приближен к традиционному славянскому рукописному шрифту, в отличие от других печатников XVI столетия.

Острожская Библия 1581 г. Ивана Федорова, явившаяся печатным изданием Геннадиевской Библии, сыграла выдающуюся роль в сохранении ЦСЯ в качестве основного языка книжной культуры Западно-Русских земель. С ней считались и издатели Церковнославянской Библии в России (на ее основе в 1751 г. была издана двухтомная Петровско-Елизаветинская Библия и современные славянские издания Библии).

Острожская Библия Ивана Федорова послужила источником грамматических примеров для знаменитой грамматики Мелетия Смотрицкого, являвшейся в свою очередь главным нормативным руководством по ЦСЯ на протяжении XVII—XVIII веков. Фактически она пропагандировала церковнославянский язык, каким он представлен в Острожской Библии.

Оба этих памятника объективно выполняли великие задачи: Острожская Библия противостояла реформационным попыткам поверхностного перевода Библии на народные языки, а грамматика М. Смотрицкого являлась крупнейшей филологической акцией в защиту надэтнического богослужебного языка Православной Церкви у восточнославянских народов.

Церковнославянизмы активно использовались и в бытовом старобелорусском

языке, а в книжной светской сфере смешение норм обоих языков воспринималось как нормальный высокий слог своего языка. Только с середины XVII века славянский и просторечный слоги стали осмысливаться как два разных, хотя и родственных, языка. Прискорбно, что в XVIII веке, когда на народной основе формировался новобелорусский язык, влияния на него со стороны книжно-славянского языка практически не наблюдалось. В униатскую эпоху произошел разрыв как с богословской, так и с языковой традицией этих исконно православных земель.

Совсем другая картина во взаимоотношениях церковного и народного языков в XVII—XVIII веках наблюдается в России. Хотя в Петровскую эпоху и возникает необходимость в создании светского литературного языка, ориентированного на унормированную русскую разговорную речь, преемственное взаимодействие с ЦСЯ остается основным процессом в становлении национального русского языка, на который он оказал большее влияние, чем на языки балканских славян. Хотя генетически Церковнославянский язык связан с Балканами и в его основе лежат болгаро-македонские диалекты, для русского народного и церковного сознания церковнославянские слова органичны, близки исконнорусским, их иноязычность не ощущается. Объяснение этому мы находим в исторической судьбе России. Когда после падения Византии центр Православия переместился на славянский Восток, именно русская Церковь и Российское государство оказались главными хранителями церковнославянской книжно-культурной традиции. По словам князя Н. С. Трубецкого, «церковнославянская литературно-языковая традиция утвердилась и развилась в России не столько потому, что была славянской, сколько потому, что была церковной»⁵.

Создатель «Российской грамматики» М. В. Ломоносов в работе «Предисловие о пользе книг церковных в российском

языке», открывающей собрание его сочинений, изданное в 1757 г., свидетельствует: «По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимира до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было»⁶. В этом он видит заслугу церковнославянизмов, которые цементировали книжный русский язык, не позволяли ему изменяться настолько, насколько обновлялись неунифицированные бытовые говоры и диалекты. Осознавая, что литературный язык не может совпасть со словарем разговорного языка, в своей знаменитой теории о трех штилях языка Ломоносов отводит значительное место церковнославянизмам в сферах деловой, научной и особенно поэтической русской речи, что заметно и в наши дни. Русский язык вобрал в себя огромное количество Библейских образов и выражений, (например: вавилонское столпотворение, в поте лица, во время оно, ждатель манны небесной, запретный плод, злоба дня, как зеницу ока, краеугольный камень, на сон грядущий, не от мира сего, плоть от плоти, святая святых, соль земли, строить на песке, суета сует, хлеб насущный и множество других).

Через посредство церковнославянского языка в русский пришли богатейшие лексические и синтаксические возможности выражения мыслей, созданные переводчиками Священных текстов. Сотни таких слов используются в языке повседневно; (например: власть, здравствовать, невежда, нравиться, одежда, праздник, рождение, сладость, страница, среда и т. д.). Для многих слов, пришедших из церковнославянского языка, характерен стилистический оттенок торжественности, (например: глава, гражданин, здравый, краткий, учреждать и т. д.). По славянской словообразовательной модели в современном русском языке образованы и собственные «славянизмы» (как здравоохранение, кровообращение, млекопитающее и т. д.). Таким образом, заимствования из ЦСЯ и создание неоцерковнославянизмов стали главным источ-

ником книжной лексики и специальной научной терминологии в современном русском языке.

Без многовекового синтеза этих языков невозможным оказалось бы знаменитое пафосное высказывание И. С. Тургенева о великом и могучем русском языке:

«Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками!... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса»⁷.

ЦСЯ, сыграв определяющую роль в предшествующей истории развития русской культуры, не может не оставаться надежной опорой духовно-культурной жизни православных славянских народов как в сегодняшний день, так и в будущем.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. По мере становления славянской государственности начинается уникальное шествие ЦСЯ по славянским странам.
2. Созданный для нужд церковного богослужения этот язык с XI по XVIII века являлся книжно-литературным языком славянских народов, принявших Православную веру от Византии.
3. Он был полифункциональным, грамматически унормированным, насыщенным богословскими смыслами языком церковной и светской литературы, противопоставленным в сферах своего употребления унормированному бытовому языку повседневного общения.
4. Вся историю формирования русского литературного языка ЦСЯ оказывал на него сильное и благотворное влияние.
5. Величественность и поэтичность ЦСЯ ощущались во все времена его бытования.
6. Церковнославянский язык является

могучим средством молитвенного объединения православных славян во всех уголках христианского мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по кн.: Ремнева М. А. Церковнославянский язык. М. 1999. — С. 8.

² Пушкин А. С. О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова / Московский телеграф. 1825. (Цит. по кн: Мечковская Н. Б. Язык и религия. М. 1998 — С. 267).

³ Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. М. 1757. (Цит. по кн: Мечковская Н. Б. Язык и религия. М. 1998. — С. 269.)

⁴ Скорина Ф. Псалтирь. Предисловие. // Скарына і яго час. Энцыклапедычны даведнік. Мінск. 1990.

⁵ Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 2. — С. 134.

⁶ Ломоносов М. В. Указ. соч.

⁷ Тургенев И. С. Сочинения. 1880. Т. 1. — С. 108.

Источники и литература

1. Алипий (Гаманович), иером. Грамматика церковнославянского языка. М. 1991.
2. Богослужебный язык Русской Церкви. Сретенский монастырь, 1999.
3. Дьяченко Г., прот. Полный церковнославянский словарь. М. 2000.
4. Король А. В. Исторические особенности употребления церковнославянского языка у православных народов. Жировичи, 1999.
5. Кривчик В. Ф., Можейко Н. С. Старославянский язык. Минск, 1985.

6. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М. 1998.
7. Ремнева М. А. Церковнославянский язык. М. 1999.
8. Супрун А. Е. Введение в славянскую филологию. Минск. 1989.
9. Трубецкой Н. С. Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. № 2, № 3.
10. Тургенев И. С. Сочинения. 1880. Т. 1.
11. Ушков А. В. Язык славян. 2002.